

ИСЛАМИЗАЦИЯ БАЛКАН

Аннотация

На Балканах существует несколько исламских анклавов: албанский ареал (включая т.н. «Республику Косова» и северо-западную часть Северной Македонии), Босния (и примыкающая к ней исламизированная часть Рашской области — т.н. Санджак), помаки Пловдива, а также мелкие вкрапления исламизированных славян.

Исламизация различных народов проходила по-разному. В материале будет показано, что религиозный фактор в идентичности современных албанцев не играет той роли, которую он выполняет в идентичности славян-мусульман — бошняков и помаков. Не случайно в будущем дети и внуки нынешних славян, исповедующих ислам, скорее всего, воспримут турецкую идентичность.

Ключевые слова: Сербия, Югославия, Османская империя, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Албания, Косово, Санджак, Скандербег, Кепрюлю, Милош Обилич, миллет, Призренская лига, Йован Цвийич, свт. Николай (Велимирович), Зоран Милошевич, богумилы, динарский тип, мухаджире, помаки, горанцы, торбеши.

DOI: 10.51180/RPS.2021.18.1.004

Автор

Тихомиров Павел Вячеславович

помощник главного редактора
Информационной службы «Русская народная линия»,
автор книг и статей по балканской тематике
(Новозыбков, Россия)

Вступление

Если мы посмотрим на этнополитическую карту западной части Балканского полуострова, то сразу же обратим внимание на два крупных исламских анклава, окруженных с восточной стороны народами и сформированными этими народами государствами, которые вышли из православного Византийского мира, и народами и государствами, вышедшими из лона Римо-католического мира.

Западные Балканы были пограничем между краями, бывшими в юрисдикции Римского Папы, и краями, относящимися к Константинопольскому патриархату.

Но если с Хорватией все более или менее понятно, то с краями, относящимися к Сербскому миру, ситуация не так однозначна.

Под Сербским миром обычно подразумевается ареал расселения но-

сителей «штокавского диалекта». На основе этого диалекта в XIX веке был сформирован единый сербохорватский язык, и принятие всеми без исключения хорватами этой литературной нормы создало иллюзию того, что сербы и хорваты — якобы один и тот же народ, разделенный только конфессионально. Это не так. Хорватия имеет свою достаточно древнюю историю, Сербия — свою. Да, в Хорватский национально-культурный корпус было вовлечено значительное количество славян-римокатоликов, дети которых позиционировали себя уже настоящими «хорватами», однако факт охорвачивания славян-римокатоликов еще не отрицает факта существования собственно «природных хорватов».

Мы не случайно коснулись сейчас вопроса этногенеза и связи религиозной самоидентификации с национальной, поскольку этот вопрос будет разби-

раться нами ниже, когда мы коснемся этнокультурных последствий исламизации Балкан.

На Балканах существует несколько крупных мусульманских анклавов:

- бошнякская часть Федерации Босния и Герцеговина (в русском обиходе — Мусульманско-хорватской федерации) (в составе фактически конфедеративной Боснии и Герцеговины) с примыкающим к этому региону т.н. «Санджаком» — населенной преимущественно сербами-мусульманами области на стыке Республики Сербии, Черногории и сепаратистской «Республики Косова». Нужно отметить плавающую идентичность бошняков Санджака — они весьма близки косовским албанцам по своим клановым и племенным связям и больше ориентируются на них, нежели на Сараево;

- т.н. «Большая Албания» — т.е. собственно Албания, «Республика Косова», а также те районы Черногории, Сербии, Северной Македонии и Греции, в которых албанцы являются большинством;

- вкрапления исламизированных славян на болгарском этническом пространстве: помаки Пловдива и т.н. «торбеши» Македонии.

Часть первая

Албанцы и «Большая Албания»

Оговоримся сразу. Несмотря на то, что Албания и албанцы воспринимают

ся часто в качестве мусульман, религиозность не является для них «скрепой», неким национально-образующим фактором. Албанцы (самоназвание албанцев — «шиптары», shqipetar) — в качестве политической нации — достаточно молоды. Турки пытались взрастить в среде шиптаров исламскую религиозность, дабы обрести верных союзников в регионе (к этому мы еще вернемся), но, в силу целого ряда факторов, албанцы — это все-таки секулярная нация, к сотворению которой приложили руку специалисты из Австро-Венгрии.

О каком исламизме шиптаров может идти речь, если их флаг с двуглавым орлом (который сами шиптары называют Орлом Скандербеге) недвусмысленно напоминает о том, что Албания вышла из Византийского мира. А в глазах всего мира наиболее выдающиеся албанцы — это собственно Скандербег (насиленно обращенный в ислам, но вернувшийся в христианство тотчас же после антитурецкого восстания), католическая святая мать Тереза и европейски воспитанный диссидент Ибрагим Ругова. (Слухи о том, что он был крещен в Католической церкви, не подтверждаются: церемония похорон Руговы была совершена по канонам ислама, и тем не менее этого албанского лидера очень трудно позиционировать в качестве политического лидера мусульман, поскольку стажировавшийся

Рождественские Чтения, секция Агиологии, Москва, 1 февраля 2007

в Сорбонне Ругова был подчеркнута светским и прозападным политиком.)

Вообще, религиозность албанцев ярче всего передает поговорка, которую будто бы некогда изрек отец легендарного Скандербег — Гьен Кастриоти: «Там, где сабля, там и вера!» (*Ku është shpata, është feja*).

А теперь остановимся на албанской теме подробно.

Первый период — соседские взаимоотношения албанцев и сербов. Косово поле

Согласно «иллирской» или «дарданской» теории, албанцы считаются прямыми потомками доантичного населения Балкан, т.е. самым коренным народом полуострова. Особенно по сравнению с относительно «недавними пришельцами» — т.е. нашими братьями-славянами (VI–VII вв.).

Никаких твердых доказательств этой теории нет, однако албанцам она по душе, и идеология Великой Албании, на чем мы остановимся подробнее ниже, базируется именно на «иллирской» теории.

Но вплоть до начала XX в. албанцы не имели собственного централизованного государства¹. Нынешние шиптары являются потомками народностей тосков и гегов, которые, в свою очередь, делились на фисы — родовые кланы. Кланы находились в зависимости от местных князей, а князья были вассалами сербских, венецианских либо иных повелителей.

В середине XIV века почти все земли, населенные шиптарами, входили в состав мощного сербско-греческого царства Стефана Душана.

¹ Исключение составляет период с 1444 по 1478 г., когда в результате антитурецких крестовых походов была временно восстановлена власть сербских князей, а часть краев, населенных предками современных албанцев, была признана как турками, так и итальянцами в качестве независимого государства.

Князья предков шиптаров исповедовали православную веру и пользовались сербской версией церковнославянского. Этот факт подтолкнул часть сербских «фоменковцев» к тому, что тосков и гегов вообще не существовало, но земли нынешней Албании населяли самые настоящие сербы.

Это, конечно, перебор. Перебор, который породил реакцию — нынешние косовские историки пытаются убедить общественное мнение в том, что никаких сербов на землях Косова якобы никогда не было, но край был населен предками шиптаров, которые, впрочем, испытывали на себе влияние византийской цивилизации. Корректнее сказать, что предки современных албанцев к XIV веку пребывали в вассальной зависимости от сербских повелителей, а образованная часть этого племени была носительницей сербской поздневизантийской культуры, реликтом чего является — в числе прочего — албанский двуглавый орел. (Исключение составляют жители побережья Адриатики.)

Предки албанцев вышли на легендарную Косовскую битву именно в составе сербского войска св. князя Лазаря. А герой Милош Обилич, ценой своей жизни поразивший султана Мурада, воспет не только в сербском, но и в албанском фольклоре: у албанцев почитается витязь по имени Милош Копилик. Прозвище Копилик восходит к неблагозвучному для житийного канона прозвищу Кобылич, которое, по видимому, и было заменено на ставшее хрестоматийным Обилич².

² Битва на Косовом поле — одно из самых кровопролитных сражений Средневековья. Четыре пятых ее участников полегли там. Легенда, ставшая краеугольным камнем сербского самосознания, рассказывает, что накануне решающей битвы на Косовом поле в 1389 г. князь сербский Лазарь имел видение, где ему предлагался выбор — царство земное или Царство Небесное. Св. князь выбрал Небесную Сербию — и сонм священномучеников Косова поля спаял враждовавших между собой сербов, рассеченных границами феодальных владений.

После поглощения Балканского полуострова османами сербско-албанские взаимоотношения качественно не изменились. Поражение сербской армии св. кн. Лазаря на Косовом поле привело к утрате независимости, что не означало духовного порабощения.

Сербы попали в вассальную зависимость к туркам. Баязет, сын погибшего султана Мурада, заключил дружественный союз с наследником князя Лазаря — Стефаном. Стефан отдал свою сестру Деспину замуж за Баязета; кроме того, он обязался поставлять сербские войска в турецкую армию и командовать ими¹.

Скандербег

Сын албанского князя был заложником при дворе султана. Там его воспитали, выучили и насильственно обратили в ислам. Так Георгий Кастриоти стал Искандер-беком (алб. Скендербей).

В историю Скандербег вошел как вождь восстания, которое шиптары до сих пор отмечают в качестве национального праздника. Речь идет о 28 ноября 1443 года, когда албанские старшины провозгласили Скандербега главой княжества Кастриоти. К восстанию Скандербега побудило триумфальное шествие венгерского войска, выступившего в крестовый поход против османов. К венгерским крестоносцам присоединились и сербские дружины — и к ноябрю этого года у турок был отбит город Ниш. Тогда Скандербег с тремя сотнями верных ему людей по-

кинул турецкий лагерь, публично отрекся от ислама и возглавил восстание албанцев.

Несмотря на то, что спустя год после этих событий, в ноябре 1444 года, крестоносцы короля Владислава III потерпели поражение, Скандербег продолжил борьбу с турками, заключив союз с Венгрией и Венецией.

После падения Константинополя турки попытались наладить отношения с правителями христианских княжеств Балканского полуострова. Однако отважный князь продолжил борьбу с турками, и на подавление очередного албанского восстания был отправлен выдающийся османский полководец Махмуд-паша Ангелович — обращенный в ислам серб. Стремительно перемещавшемуся по всему Адриатическому побережью отряду Скандербега удавалось избежать разгрома, и для турок подавление восстания стало просто вопросом принципа. Воины албанского князя то скрывались в горах, то погружались на галеры и исчезали в море. Так продолжалось до тех пор, пока не пришла весть о том, что отважный воин скончался от малярии.

Узнав о смерти Скандербега, султан воскликнул: «Наконец-то Европа и Азия принадлежат мне! Несчастное христианство. Оно потеряло и свой меч, и свой щит».

Отец героя похоронен в сербском монастыре, а сам легендарный албанский князь был и остается олицетворением сопротивления захватчику. Спустя несколько столетий соотечественники великого шиптара вернутся на земли Косова, чтобы, приняв ислам, выступить в роли верных охранителей турецкого государства, кровно заинтересованных в том, чтобы ничто не угрожало могуществу Османской империи.

Державостроение турок

Итак, хотя гибель Скандербега означала ликвидацию автономии ал-

¹ В первой половине XV века, когда вследствие угрозы со стороны Тамерлана натиск османов временно ослабел, сын св. князя Лазаря Стефан предпринял попытку восстановления Сербского государства. Он принял византийский титул деспота и, опираясь на союз с Венгрией, которая передала ему Белград, вновь подчинил ряд южносербских областей. Весь XV век сербские края представляли собой арену сопротивления, которое оказывали туркам сербы и венгры. А когда на турок обрушился Янош Хуниади, то к антитурецкому союзу присоединился и мятежный Скандербег.

банцев и окончательное установление в этой части Балканского полуострова турецкого владычества, ни о какой насильственной исламизации шиптаров в то время речь еще не шла. Более того, в силу целого ряда причин турецкое завоевание на протяжении еще более 200 лет не переходило в рабство.

Во-первых, завоеватели были сравнительно малочисленны. В Европе им противостояли массы населения, значительно более многочисленные, нежели в любой из покоренных стран Азии, и более разнообразные и сложные по своему национальному, религиозному, политическому характеру. Осуществить их ассимиляцию было достаточно сложно.

Во-вторых, физическое притеснение породило бы недовольство и спровоцировало бы антитурецкую активность. Зачем туркам новые проблемы, на разрешение которых приходилось бы снимать войска с рубежей империи?

Исходя из этих соображений, Мурад предпочел проводить в отношении местных христиан политику определенной терпимости. Он использовал в войнах тысячи воинов христианского происхождения, и нередко под руководством их собственных князей. В качестве платы за службу им гарантировались освобождение от налогов и право пользоваться выделенными государственными землями и доходом от них.

Османская империя была в целом веротерпимой. Тем не менее духовные вопросы проецировались на плоскость социальной жизни: путь в «эшелоны власти» лежал через «обрезание и отуречивание».

Именно «потурчанцы» — перешедшие из христианства в ислам — были опорой стамбульских султанов. Из «потурчанцев» состояла турецкая гвардия — янычары.

Несмотря на то, что сейчас звучит много ревизионистских идей, суть которых сводится к тому, что, дескать, для многих родителей отдать мальчика в янычары означало чуть ли «вывести его

в люди», нужно понимать, что янычары комплектовались за счет девширме — «налога кровью».

Т.е. речь идет не о каком-то выборе и отборе, а о насильственном обращении отобранных у родителей христианских детей и подростков. Воспоминание о «налоге кровью» — одно из самых ненавистных для балканских христиан проявлений турецкого ига.

Точно так же и визирями (министрами) часто были перешедшие в ислам представители покоренных турками народов. Благодаря этому султан был частично защищен от интриг, поскольку визирь не имел кровной привязанности ни к какому из кланов. Следовательно, могущественные мусульманские семьи не могли напрямую — через своих людей — воздействовать на «вектор политики».

Среди «потурчанцев» было немало выходцев как из сербских, так и из шиптарских родов, а кровно-племенные связи и у тех, и у других были достаточно сильными. Родич, «выбившийся в люди», воспринимается как благодетель. Достаточно вспомнить великого визиря Мехмет-пашу Соколовича, обращенного в ислам боснийского серба, который в 1567 году добился восстановления Сербского патриархата. Турки, дав разрешение на восстановление автокефалии Сербской церкви и, таким образом, выделение сербов из общеправославного миллета¹, преследовали политические цели.

Теперь турки, покорив сербских князей, фактически ликвидировали вековой бич сербов — феодальную раздробленность. Утратив политическую

¹ Миллет — юридический термин, распространенный в мусульманских странах — религиозная конфессия, обладающая автономными административными учреждениями (в сфере судебного производства, образования и т.д.), расположенными в специально отведенных для этого кварталах городов. В XV–XX веках понятие «миллет» получило широкое распространение в Османской империи для разделения населяющих ее народов по религиозному признаку.

независимость, сербы тем не менее обрели духовное единство — при сохранении военно-административного владычества турок было ликвидировано культурно-религиозное владычество греков. И устойчивость Османской империи было гарантом того, что такое положение вещей сохранится. Тогда не только прекратился отток христианского населения в Австрийскую империю, но и в лице сербского православного населения Османская империя обрела лояльных подданных.

Такое положение вещей сохранялось до конца XVII века.

Османы делают ставку на исламизированных албанцев

События конца XVII века коренным образом изменили судьбу сербского народа.

После того, как Ян Собеский разгромил турок под Веной, «Священный союз», объединивший Австрию, Венецию и Польшу, вторгся в пределы Османской империи.

Сербы, испытавшие возрождение, видят в турках поработителей и потому присоединяются к католической армии. Война закончилась подписанием неблагоприятного для турок Карловацкого мирного договора, который продемонстрировал то, что эра османской экспансии завершена. Турки утратили значительные территории, однако населенные албанцами и сербами края остались под контролем султана. И теперь османы предпринимают ряд мер для того, чтобы обезопасить свои рубежи.

Сербам доверия больше нет, поэтому население Косова и Метохии подвергается резне. Предвидя такую развязку, Печский патриарх Арсений вместе с 37 тысячами православных семейств решает уходить в Австрию. В городах Печ, Приштина и Призрен остаются гарнизоны, состоящие из татар, однако оставлять гарнизоны сколь угодно долго было невозможно,

поэтому великий визирь предложил заселить эти плодородные долины жителями нищих скалистых вершин.

Итак, есть плодородные долины Метохии и Косова поля, обезлюдившие после войны, великого исхода и репрессий; и есть также и шиптары-пастухи, которые крайне нуждаются в плодородной земле. Совершенно логично было бы дать возможность шиптарам существенно улучшить жилищные условия. Причем переселенцы будут прекрасно отдавать себе отчет в том, *кому именно* они обязаны своим новым положением...

Благополучие албанцев, поселившихся на равнинах, целиком и полностью зависит от стабильности империи. Рухнут османы — вернутся сербы. Вернутся сербы — прогонят с долин и отправят обратно в «страну орлов и камней». Так горцы-шиптары окончательно стали преданными слугами Порты.

Граница албанских земель не менялась в течение первых двух веков турецкого владычества на Балканах — во время роста и усиления Турции. И лишь тогда, когда покоренные турками христианские народы, в первую очередь сербы, покушаются добиться освобождения, албанцы-мусульмане начинают формироваться в щит, отделяющий империю от беспокойной провинции.

Остается добавить, что происходило это в период правления великих визирей из албанского клана Кеprüлю¹, правивших (с небольшим перерывом) Османской империей с 1656 по 1735 г.

Колонизация албанцами земель Старой Сербии

Колонизация албанцами земель Старой Сербии происходила следующим образом: вначале в горах появились

¹ Речь в данном случае идет о великих визирях Фазыле Мустафе-паша Кеprüлю (10 ноября 1689 г. — 19 августа 1691 г.) и Хусейне-паша Кеprüлю (17 сентября 1697 г. — 4 сентября 1702 г.)

вооруженные албанские удалыцы, похищающие детей, пасущих скот. Крестьяне, занимающиеся земледелием, боятся отправлять их на горные пастбища, находящиеся вдалеке от сел, а вблизи поселений не так много места для выпаса крупного скота. Следовательно, сокращаются стада — начинает хиреть хозяйство. Потом бандиты, обнаглев от безнаказанности, подбираются к селениям и начинают терроризировать сельское население.

Вслед за этим две-три семьи селятся в сербском селе и продолжают демонстративно поддерживать связи со своими воинственными соплеменниками. Сербы начинают в отчаянии покидать родные места или же пытаются приспособиться к новым условиям — принимают ислам. Исламизации были подвержены в первую очередь те края, где число албанцев было наибольшим. Первое поколение исламизированных сербов (которых еще можно было называть «криптохристианами») сохраняло язык. Они тайком продолжали славить старые христианские обычаи (Крестную Славу, Пасху, Рождество, кумовство). Далее мощное албанское окружение оказывает влияние на одежду и язык: вне семейного круга сербы-мусульмане начинают пользоваться тем диалектом, на котором общались пришлые инородцы.

Социальная мимикрия проявляется в том, что сербы перенимают внешние элементы быта господствующей этнокультурной группы. Албанизация исламизированных сербов начиналась чаще всего в третьем поколении после принятия ислама. Смешанные браки расширяли именно албанские племенные сообщества, т.к. ребенок считался уже албанцем.

Православные сербы еще очень долго называли своих исламизированных, а позже албанизированных соплеменников не арнаутами, но *арнауташами* — до тех пор, пока спустя несколько поколений не блекло воспоминание об их славянском происхождении.

И все же отличия между албанцами и сербами-мусульманами были немалыми. В первую очередь речь идет о стереотипе поведения. Албанизированные сербы представляли собою «униатский» социокультурный тип. На сербском этническом просторе и позже было значительно больше такого элемента, нежели настоящих албанцев. Потомки арнаутшей развили мощную приспособляемость и пробивную способность и составили существенную часть нынешних косовских «албанцев».

Другая часть арнаутшей стала идентифицировать себя *турками* — что для сербского менталитета неудивительно, ибо сербы привыкли религиозную принадлежность идентифицировать с нацией. Потомки сербов-римокатоликов в конечном итоге становятся хорватами, потомки сербов-мусульман — турками.

Албанское национальное пробуждение

Вплоть до второй половины XIX века ни о каком национальном самознании албанцев речи не шло. Кстати, албанцы-христиане тоже переселялись из-под турецкой власти. Большинство уезжало в соседнюю Италию, но часть эмигрировала и в Новороссию (вспомним знаменитые Арнаутские улицы в Одессе).

Албанцы позиционировали себя по вероисповеданию и по принадлежности к фису. Стимулом к национальной деятельности стало намерение разделить края, населенные шиптарами, между Сербией, Черногорией и Болгарией. Это вселило тревогу не столько даже в сердца самих албанцев, сколько в умы дипломатов из имперских столиц.

Весной 1878 года в Константинополе был создан Албанский Янинский комитет, который выступал за право албанцев создать свою автономию в составе Османской империи. Декларация об автономии Албании была принята во

время работы Призренской лиги летом того же года.

Сейчас нередко можно встретить отождествление духа Призренской лиги с духом более позднего Албанского просвещения, но это некорректно.

Программа Призренской лиги недвусмысленно демонстрировала именно османское самосознание активистов этого движения:

«Цель нашей Лиги — не принимать и остаться на расстоянии от любой власти, кроме Порты, и бороться с оружием в руках за защиту всей территории. Наша главная цель — сохранение царских прав неприкосновенного его величества султана, нашего господина. Поэтому все те, кто этому противится и мешают миру, те, кто стремится ослабить авторитет власти, те, кто этому помогает, будут рассматриваться как враги нации и родины...

Мы будем защищать наши жизни, богатство и честь на основе высокого религиозного закона Шариата... Если Сербия мирным способом не уйдет с бесправно занятых территорий, то мы пошлем против нее башибузуков (хакинджилеров) и будем стараться до конца занять те территории, и в том же ключе будем действовать против Черногории...

На основе данного слова мы, представители непобедимых героев Северной Албании, Эпира и Боснии, тех героев, которые с рождения не знают другой игры, кроме оружия, — готовы отдать свою кровь за Царство, за нацию и за родину» [1].

В силу ряда причин Призренская лига не получила нужной поддержки вне Косова и Метохии. Например, мусульманский радикализм был чужд жителям албанского побережья Адриатики (где преобладали шиптары-римокатолики), или в Эпире (где местные албанцы исповедовали православие), или во внутренних горных районах, где ислам был не настолько чист, как в среде косовских шиптаров, и где был распространен суфизм (суфийские ор-

дена действовали по всей территории Османской империи, так как им покровительствовали султаны. Например, в Косово был распространен орден бекташийя, от которого косовские албанцы заимствовали свой головной убор — полукруглый белый колпак).

Порта отказалась обсуждать вопрос о создании автономного албанского вилайета, и в ответ на это в 1880 г. руководство Лиги заявило о разрыве связей с Османской империей. Мятеж косовских албанцев был подавлен и с Портой, а ее вооруженные силы заняли основные центры Косова и Западной Македонии.

Призренская лига была ликвидирована, и «Албанское национальное пробуждение» временно притихло, с тем чтобы к моменту, когда турки в результате 1-й Балканской войны будут оттеснены к Стамбулу, на политической карте появилось независимое албанское государство в современных границах.

Государство, впрочем, получилось весьма неустойчивое: только в межвоенные 20–30-е годы непрерывно сменялись не только кабинеты министров, но и формы правления: княжество (1914–1925) — республика (1925–1928) — королевство (1928–1939)...

Видимо, одной из причин такой рыхлости было то, что «демократическая парламентская монархия», пребывающая в границах, определенных в Лондоне в 1913 году, не обладала необходимым потенциалом, чтобы воплотить в жизнь идею собирания в одном государстве всех шиптаров, проживающих в данной части Балкан.

Эту идею могли реализовать пассионарные косовские албанцы, опирающиеся на внешнюю силу — на Италию, на Третий рейх, наконец, на Соединенные Штаты.

Дивизия СС «Скандербег»

После сокрушения королевской Югославии в 1941-м албанские терри-

тории в итальянской оккупационной зоне в Черногории, славянской Македонии и наибольшей части Косова и Метохии были переданы Албании, пребывавшей тогда под протекторатом Италии. Таким образом, была воплощена в реальность одна из идей, озвученных еще Призренской лигой.

Когда было объявлено о капитуляции Италии, албанцы остались союзниками рейха в борьбе против антифашистской коалиции с единственной целью — сохранить Великую Албанию. Не случайно именно в сентябре 1943 г. в присутствии представителей албанцев из КосМета, Черногории, западной части Македонии и Новопазарского санджака под патронатом Третьего рейха была возрождена Вторая Призренская лига.

После выхода Болгарии из состава гитлеровской коалиции в сентябре 1944 г. границы Албании (перешедшей тогда под немецкий контроль) были расширены до Скопье и оттуда вдоль линии Куманово — Прешево — Буяновац.

В отличие от итальянцев, немцы понимали, на кого конкретно нужно опереться. Так, 1 мая 1944 года из албанских мусульман-суннитов (в основном) Косова и Метохии была сформирована дивизия СС «Скандербег». Албанские эсэсовцы свели счеты с теми, кто чувствовал себя в относительной безопасности до тех пор, пока при власти были итальянцы. Речь идет о резне сербских священников и депортации в лагерь смерти скрывавшихся в итальянской зоне оккупации югославских евреев.

Кроме карательных функций, впрочем, дивизия ничем себя не зарекомендовала, и, когда стало ясно, что никакой Великой Албании под покровительством «тысячелетнего рейха» не получится, из дивизии дезертировало порядка 3,5 тысяч бойцов-шиптаров. Дивизию «Скандербег» расформировали, а оставшихся бойцов включили в дивизию СС «Принц Евгений», которая, как известно, капитулировала лишь в мае 1945 г.

История с карателями из дивизии «Скандербег» поучительна тем, что, хотя религиозность не является добродетелью племени шиптаров и хотя помимо поговорки о вере и сабле существует еще одна: «Религия албанцев — албанизм», тем не менее внешние силы, желающие разыграть албанскую карту, всегда делают ставку именно на албанцев-суннитов.

Так было и при султанах, и при Адольфе Гитлере. Так было и при Билле Клинтоне.

Часть вторая

Исламизация Боснии проходила совсем иначе, нежели исламизация тех краев, где славянское население сосуществует с албанским.

Одной из причин этого является, несомненно, психологическая особенность боснийцев.

Боснийские особенности динарского психотипа

«Одна особенность преобладает в общепоснийском менталитете. Очень крепко держатся того, что восприняли как правильное. Из-за несокрушимых волевых качеств, присущих боснийцам, их считают «твердолобыми». Без сомнения, именно из-за этого их считают менее гибкими в интеллектуальном и моральном смысле. У них меньше полета и вдохновения по сравнению с герцеговинцами. В анекдотах боснийцы преподносятся туповатыми и даже равнодушными», — пишет этнопсихолог Йован Цвийич [2. — С. 55].

«В каком смысле и насколько влияние ислама изменило душу мусульманских динарцев?»¹

¹ Динарский тип — антропологический тип европеоидной расы. Получил название в честь Динарских Альп. Термин был введен в начале XX в. французским антропологом И. Деникером. Наиболее характерные представители — жители Герцеговины и Черногории.

Могу привести результаты некоторых наблюдений и не могу точно утверждать, насколько верно динарские магометане усвоили дух Корана. Но безусловно то, что они пребывают в убежденности, что они лучше поняли этот дух, нежели османы или туркуши (как они их называют). Тем самым показывая, что туркуши “недостаточно магометане”, а они, боснийцы, лучше паши и визиря понимают веру. Подчас воображают, будто они бóльшие мусульмане, нежели сам султан, его халифы, наследники Магомета.

Эта убежденность особенно ярко проявилась в начале XIX века, когда султаны в европейской части Турции хотели ввести реформы по европейскому образцу. Во время бунта 1831 года мусульманские мятежники потребовали у визиря Травника сбросить новую униформу французского образца и, как заповедует вера Магометова, сотворить молитву очищения от христианского, “гяурского” духа.

Огорченные “гяур-султаном”, “христианским” султаном, они собрали многочисленный вооруженный отряд и двинулись в Стамбул, дабы собственными глазами убедиться в том, что “султан — настоящий”. Хотели убедиться в том, что султан обрезан по всем правилам Корана.

Они усвоили все неоспоримые истины и обетования исламской веры — представление о райских садах Джаннат с гуриями и реками из молока и меда.

Но несомненно то, что самое глубокое впечатление на динарских мусульман произвела вера в судьбу, согласно которой все, что с человеком случается в жизни, предопределено заранее. “Кадар”, смирение перед долей, играет в жизни боснийских мусульман то же значение, как и в самых чистых мусульманских регионах. Складывается впечатление, что эта вера в судьбу оказала воздействие и на динарских христиан и укрепила в них буквальное понимание

того смысла, о котором мы упомянули» [2. — С. 56].

Интересно, что в некоторых произведениях свт. Николая (Велимировича) любое упоминание о *фатализме* сопровождалось припиской: «как говорят наши мусульманские братья, *судьба*». Т.е. в обыденном сербском сознании фаталистичность прочно ассоциировалась именно с мусульманским мировоззрением. В отличие от русского сознания, куда фатализм пришел из дворянских гостиных, отголосками увлечений ренессансом язычества.

Однако вернемся к Цвийичу. В повествовании об особенностях психотипа мусульман Боснии он напоминает о том, что еще в Средневековье боснийские и хумские магнаты были достаточно сильны, но не настолько, чтобы стоять вровень с банами и королями прочих сербских земель. Под привычным нам названием Босния впервые упоминается в сочинении императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанном в середине X века. В это время произошел распад общесербского государства Дукля (или Диоклея), одним из осколков которого и стала Босния.

После присоединения Хорватского королевства к Венгрии в 1102 году «Боснийское герцогство» становится вассалом мадьярских королей. Во время императора Мануила Комнина Босния ненадолго становится вассалом Византии, но затем снова возвращается под власть Венгрии. И остается ее вассалом вплоть до завоевания страны турками в 1463 году.

Турецкое владычество

Первым следствием турецкого завоевания было переселение больших масс жителей Боснии и Герцеговины в соседние края: Далмацию, Славонию и Хорватию. Интересно, что в первую очередь переселяются жители речных долин.

Следует отметить, что «богумильская теория» (происхождение боснийских мусульман от секты богумилов) носит политический характер и не может быть однозначно подтверждена. Изначально ислам принимали верхние классы населения, прежде всего местная знать для сохранения своего статуса, привилегий, в первую очередь — землевладения, исламизация горожан была вызвана дискриминацией христианского населения, как социальной, так и налоговой — христиане платили дополнительные налоги харадж и джизья, подвергались ряду ограничений и в целом существовали на правах людей второго сорта. Принятие ислама давало новообращенному заметный социальный рост и облегчало налоговое бремя.

«Значительная часть непереселившегося населения принимает ислам. Особенно это касается православных и богумилов, католики были в большей мере защищены соседними католическими государствами, и, пожалуй, это было одной из причин, по которой некоторые православные семьи переходили в католическую веру, которая им была ближе ислама. Православную веру сохранили жители горных непроходимых областей, которые находились вдали от городов и крупных дорог. Есть знаки, указывающие на то, что многие православные — как старожилы, так и пришлые — начали в то время крупными массами переселяться из долин в горы. Абсолютное большинство изученных сел, которые расположены выше 600 метров над уровнем моря, основаны с конца XV по XVIII век. Вплоть до XVIII века господствовал такой расклад: городское население составляли мусульмане, долинное — мусульмане и католики, а горное — православные.

<...> Православные имели исключительно характер горца.

Все горные народы Средней и Южной Европы имеют общие черты: они обладают большей жизнестойкостью по сравнению с равнинными соседями.

Гора дает мало пищи, много детей и достаточно здоровья» [3. — С. 13].

Непроходимые горы спасали не только от исламизации, но и от эпидемий, которые выкашивали в Средние века целые города и даже области.

Описывая миграционные процессы, которые также оказали существенное влияние на становление той этнорегиональной картины Боснии и Герцеговины, которая более или менее сохраняется и по сей день, Йевто Дедиер в опубликованном более сотни лет назад исследовании¹ обращает внимание на то, что края эти пополнялись пришлым мусульманским населением в рамках трех волн.

Первая волна связана с экспансией турок — это заселение края воинами, чиновниками и имамами, прибывающими в Боснию из азиатской части Османской империи.

Вторая и третья волны уже связаны с закатом блистательной Порты. Речь идет как о населении, покидавшем относительно недолго удерживаемые турками края: Далмацию, Лиду, Славонию и частично Венгрию, так и о бывших жителях сербских городов Ужице, Шапца, Валево и Белграда, которые не желали оставаться подданными «гяурского» князя Сербии.

Однако все эти миграционные волны — лишь дополнение к тому магистральному процессу, который имел место в Боснии.

Речь идет о том, что тут — в отличие от прочих мест на Балканах — верхушка общества приняла новую веру практически полным составом. Причина, как нам кажется, кроется в том, что боснийские магнаты были приверженцами т.н. «босанской церкви», равноудаленной как от Рима, так и от Константинополя. Югославские источники старательно преподносят ситуацию с «Босанской церковью» таким

¹ Первая публикация указанного сочинения: Преглед, Сарајево, 15 јануара 1911, год I, број 7 и 8, С. 421–431.

образом, будто речь идет о некоей национально-культурной традиции, хотя и проговариваются время от времени о том, что в первую очередь исламизации были подвержены именно богумилы.

По всей вероятности т.н. «Босанская церковь» представляла собой не совсем антисистему, наподобие еретических сообществ катаров, альбигойцев и прочих гностиков, но была неким протопротестантским образованием, где антиклерикальный настрой вполне уживался с почитанием христианских святых. Именно этот настрой, эта приверженность к культуре, одинаково чуждой как католицизму, так и православию, и сыграла решающую роль в стремительной исламизации региона.

Впрочем, как представители югославянской идеологии, так и авторы, стоящие на православных (равно и католических) позициях, подвергают критике «богумильскую концепцию». Она позиционирует нынешних боснийских мусульман вовсе не потомками исламизированных славян-католиков (или православных сербов), а... готами, воспринявшими славянский язык (штокавский диалект) и славянскую же письменность (в основном — кириллическую традицию).

Интересно, что хотя сами боснийские мусульмане не идентифицировали себя славянами (о чем будет сказано ниже), но они славянизировали разноплеменный мусульманский элемент этого уголка Османской империи.

Затирание сербского самосознания в среде мусульман Боснии и Герцеговины

Жизнь среди иноверного окружения католиков-хорватов и православных сербов привела к тому, что боснийские мусульмане отождествили себя не с единоплеменным окружением, но с единоплеменными им турками. Проблему затирания сербского самосознания в среде мусульман Боснии и Герцеговины предметно исследовал наш коллега

профессор Зоран Милошевич. Приведем обширную цитату из его работы «Йован Цвийич и боснийско-герцеговинские мусульмане» [4]:

«Когда Цвийич исследовал этническое состояние Боснии и Герцеговины, он пришел к заключению, которое неустанно высказывал в разных местах, что боснийско-герцеговинские мусульмане являются этническими сербами, а Босния и Герцеговина — сербские земли [5. — С. 76]. Между тем Цвийич обращает внимание на то, что сербское самосознание среди них поблекло, а некоторые и вовсе утратили его. Особенно это заметно среди мухаджиров (переселенцев) из Боснии и Герцеговины в Турцию после оккупации этого края Австро-Венгрией.

“Не помогает и то, что говорят они на нашем языке. Нет и следа от ощущения того, что они представляют с нами единое целое. Если им напомните об этом, ясно увидите — насколько это далеко от их сознания; так же далеко, как ясно и близко то, что из-за веры они — то же самое, что и турки. <...> Идут, стало быть, в далекий и совсем чужой край, заблуждаясь на свой счет, считая себя турками” [6].

И эти несчастные мухаджеры, только лишь добравшись до Турции, ощущают себя иноплеменниками, не турками, и что с турками — кроме веры — не имеют ничего общего.

Показателен случай, который отметил Цвийич, о возвращении одного мухаджера из Турции в Боснию. “Однажды утром приехал на железнодорожный вокзал Топчин в южной Македонии, чтобы попасть на поезд, следующий из Салоник в Белград. Удивился, увидев на станции одного боснийца средних лет, который намеревался ехать в том же направлении, что и я. Обычно боснийцы едут в другую сторону — из Белграда в Салоники. Стоило мне обратиться к нему по-сербски, как он тут же увязался за мною.

Моим спутником оказался мухаджир, который возвращался в Боснию.

Переселился с женой и четырьмя детьми двадцать лет назад, был зажиточен. Дети поумиралли, и поэтому он часто менял места жительства в Македонии. В конце концов, остался без детей и без всего...

Теперь он понимал, что турки — настоящие турки — это нечто совсем другое и что с ними у него нет ничего общего, кроме веры. Ему сейчас ясно, что мы ему ближе, нежели османы. Этот растерянный человек возвращается в Боснию, чтобы там умереть...

Когда ему напомнил о том, что предупредили же о том всех, кто собирался переселяться, он лишь стукнул себя по лбу и воскликнул:

— Твердая боснийская голова никогда не слушала. И мне говорили то же самое, но не верил!"»

Попытки вернуть боснийских мусульман в Сербский национально-культурный корпус

Сразу после воссоединения всех сербских краев в одном государстве — Королевстве сербов, хорватов и словенцев — возникла надежда, что мусульмане Санджака, Боснии и Герцеговины вновь станут сербами. Надежда эта подкреплялась убежденностью в том, что критерием принадлежности к одному народу является языковая общность.

Вся история как первой, королевской, так и второй, коммунистической Югославии показывает, что такая постановка вопроса является следствием целого ряда утопических представлений об устройении человеческого общества.

После развала Югославии и провозглашения независимой Боснии и Герцеговины славяне-мусульмане в 1993 г. вернулись к использованию самоназвания «бошняки». Оно изначально не было обозначением географическим, поскольку, например, хорватский автор после посещения Боснии в 1839 году отмечал: «В Боснии христиане не смеют называть себя босняками: говоря бос-

няки, мусульмане имеют в виду себя, а христиане — только боснийская райя или влахи» [7. — С. 330]¹.

Тогда, при австрийцах, этот этноним не закрепился, и позже — при коммунистах — славяне-мусульмане назывались *Muslimani*, точнее — *мусульмане в смысле нации*.

Помаки, горанцы и торбеши

Кроме потурчанцев Боснии и Новопазарского санджака, на Балканах существуют еще три группы славян-мусульман.

Помаки — это исламизированные болгары, которые также считаются потомками богумилов, добровольно перешедших в ислам одновременно и «всем миром». Часть помаков была болгаризирована в 1990-х годах, на начальном этапе тех процессов, которые вначале воспринимались в качестве «болгарского возрождения». Однако теперь, как и везде на Балканах, в среде помаков пропагандируется отказ от славянского самосознания. Помаки Болгарии используют латинский алфавит, справедливо считая кириллицу атрибутом именно православной цивилизации. Себя они идентифицируют в качестве потомков славянизированных турок.

А относительно недавно появился достаточно элегантный миф о том, что помаки являются не просто потомками перешедших в ислам бывших богумилов, но якобы потомками переселенных в эту часть бывшей Византийской империи павликиан. Иоанн I Цимисхий в X веке переселил павликиан из Малой Азии во Фракию с центром в Филиппо-

¹ *Райя* — так в Османской империи называлось нехристианское население, буквально — «пасомые». Презрительно — «скот».

Влахи — буквально жители Валахии (оставившей в совокупности с Молдавией позже Румынию), но «влахами» также иногда хорватские клеронасты презрительно называют «азиатов, принявших православие», подразумевая под этим сербов.

поле для охраны границы [8. — С. 570–614]. В православие обратить их так и не удалось, несмотря на то, что при императоре Алексее I Комнине такие попытки предпринимались.

В настоящее время помаки проживают компактной замкнутой общиной к югу от Пловдива. В Македонии помаков называют «торбешами».

Этноним «торбеши» имеет уничижительный характер [9]. Местные славяне-христиане обзывали таким прозвищем того, кто поменял веру за «торбу» муки. В свою очередь сами македонские мусульмане возражают против этого, утверждая, будто такое название они получили вследствие того, что во времена османов их предки были успешными торговцами.

Другой компактной группой славян-мусульман является т.н. «горанцы», проживающие на юге Косова и Метохии. Горанцы — в отличие от арнауташей — т.е. албанизированных потомков части сербов-мусульман Косова — сохранили сербский язык и не приняли албанского самосознания. Кстати, болгарские исследователи относят сербов-мусульман Горы, т.е. «горанцев», к «торбешам». Иными словами — все к тем же «помакам».

Однако торбеши и горанцы, в отличие от помаков Пловдива, испытывают на себе албанское давление. И, дабы избежать этого давления, славяне-мусульмане совершенно логично выбирают именно ту идентичность, которая является воплощением защиты идеалов своей веры в культурном и политическом пространстве.

«В последнее время у македонцев-мусульман можно наблюдать один любопытный процесс. Например, в с. Дебреште (Прилепско) совершается переход мусульман в “турок”, школьники изучают турецкий. С 90-х гг. XX века некоторая часть македонцев-мусульман в р-не Долна Жупа декларируют себя как “турки”. При этом они не знают турецкого языка, пользуются македонским, но запрещают изучать его своим

детям, и те изучают турецкий. Причина подобного поведения в том, что после провозглашения независимости Македонии (1991 г.) эти люди поверили в слухи о том, что если не объявить себя турками, то можно подвергнуться христианизации» [10. — С. 331–332].

Окатолические славяне запада Балкан — подданные Габсбургов — в конечном итоге растворились в Хорватском национально-культурном корпусе. Православные, воспринявшие культуру Святославия (почитание Крестной Славы), становятся сербами. А мусульмане — рано или поздно — выбирают именно турецкую идентичность.

Тем более что Турция Эрдогана — это уже больше не либеральная неоевропейская республика с политической нацией, а государство, способное реализовать имперский проект наднационального государства, поддерживающего такую культуру, которая будет альтернативой как евросоюзному всесмешению, так и радикализму араб-ислама.

Т.е. Турция — в том виде, в котором она начала перестраиваться Давутоглу и перестраивается Эрдоганом, — вполне соответствует идеалам славян-мусульман Балканского полуострова.

Следовательно, внуки, точнее, даже дети нынешних бошняков, горанцев и помаков, скорее всего, будут самоопределяться как турки.

Нужно отдавать себе отчет в том, что точку в вопросе возможного возвращения потомков потурчанцев к сербской идентичности поставила Боснийская война 1992–1995 гг., с ее ужасами, кровопролитием и разрушениями, ставшая для современных бошняков основой их самоопределения.

Автор выражает благодарность научному сотруднику Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения Георгию Николаевичу Энгельгардту, ознакомившемуся с рукописью и сделавшему ряд замечаний по существу вопроса.

Книги автора

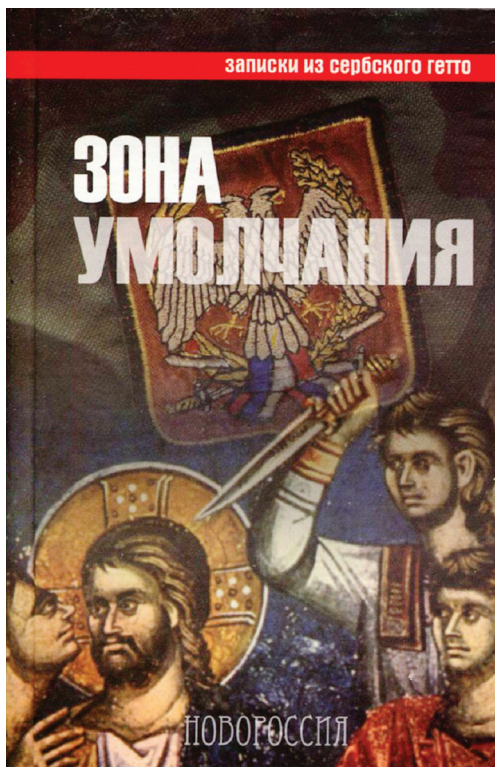

Фото из архива автора

Белград, 28 апреля 2010. В Посольстве РФ с послом А.В.Конузным и гл. ред. агентства РНЛ А.Д.Степановым

Литература

1. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / Е.Г. Пономарева // De Conspirazione. Сборник монографий / Сост. А.И. Фурсов. — М.: КМК, 2013. — URL: <https://history.wikireading.ru/387488>.
2. Цвијић Ј. О балканским психичким типовима / Цвијић Ј., Андрић И. — Београд: Прогресса, 1988.
3. Дедијер Ј. Поријекло Босанско-Херцеговачког становништва. (Прво објављивање: Преглед. — Сарајево. — 15 јануара 1911 г. — Год I. — Број 7 и 8. — С. 421–431) // Православље. Вријеме и Босна. Поуке из Православља и прошлости Босне: Зборник радова / Приредили прот. Ратко Врачевић, Др. Зоран Милошевић. — Шабац: Бели Анђео / Српска Православна Црквена Општина Добој, 2002. — С. 7–20.
4. Милошевић З. Јован Цвијић о Босанско-Херцеговачким муслиманима. — URL: <http://www.carsa.rs/jovan-cvijic-o-bosansko-hercegovackim-muslimanima/>.
5. Цвијић Ј. Говори и чланци // Сабрана дела. — Београд: САНУ: Књижевне новине: Завод за уџбенике и наставна средства, 1987.
6. Цвијић Ј. О исељавању босанских мухамеданаца // Књижевни гласник. — 16.06.1910. — С. 199. Опубл. в кн.: *Benac A., Sergejevski D., Mazalić Đ. Kulturna istorija Bosne i Hercegovine.* — Narodna prosvjeta. — Sarajevo, 1955.
7. Фрејдзон В.И. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Восточной Европе. — М.: Наука, 1981.
8. Корж И.А. Болгария / Корж И.А., Темелски Хр. // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. — Т. V.
9. Кжнчовъ В. Македония. Етнография и Статистика. — URL: http://www.promacedonia.org/vk/vk_1_b2.htm.
10. Игнатъев Р.Н. «Метанастасические движения», «культурные пояса» и «психические типы» Йована Цвийича в связи с балканской модернизацией // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах. — СПб.: Алетейя, 2007.